

С. В. Чешко

ОТ СОВЕТСКОЙ ЭТНОГРАФИИ К РОССИЙСКОЙ ЭТНОЛОГИИ

Полагаю, что за последние приблизительно 20 лет роль этнологии/этнографии в нашей стране определенно возросла, что связано с резким ростом значения этнического фактора в обществе и, соответственно, с необходимостью его изучения. Похожая ситуация существовала в 1920-е–1930-е годы, когда проводилось так называемое национально-государственное размежевание регионов Советского Союза. В дальнейшем этнология попала под пресс сталинских репрессий и до середины 1980-х годов занимала периферийное место в системе общественных наук со статусом подсобной исторической дисциплины. Об этнографах вспоминали главным образом при подготовке всесоюзных переписей населения.

Официальная советская “историко-партийная наука” относилась к этнографии с некоторым пренебрежением и предубеждением. Этнография ассоциировалась с изучением неких экзотических “этнографизмов” и подозревалась в ревизии постулатов исторического материализма.

Поводами для этого были публичные дискуссии этнографов о первобытности, стадильности развития этнических общностей, знаменитой триаде “племя – народность – нация” и т.п. “Теория этноса”, разработанная Ю.В. Бромлеем в сотрудничестве с другими крупными советскими этнологами, усугубила интригу противостояния между этнологами и ортодоксальными “истматчиками”. Не способствовал лучшему отношению к этнологии и известный доклад Ю.В. Бромлея на заседании Президиума АН СССР в 1982 г., когда он осмелился выказать озабоченность по поводу угрозы ухудшения межэтнических отношений в стране. В то время такая мысль присутствовала только в публикациях западных советологов и была воспринята как крамола (это был уникальный случай в практике подобных заседаний, когда отменили обсуждение доклада).

В середине 1980-х годов, в условиях “перестройки”, ситуация начала постепенно меняться. Свидетельством этого стало, например, создание Межведомственного научного совета АН СССР по изучению национальных процессов под эгидой Института этнографии и председательством Ю.В. Бромлея. В совет входили представители всех научных центров СССР, в той или иной мере занимавшихся этнической проблематикой, а также союзных министерств и ведомств, включая министерства обороны и внутренних дел. Сотрудники института консультировали различные структуры ЦК КПСС, Верховного Совета, Совета Министров СССР. Институт этнографии, как ведущее научное этнографическое учреждение страны, стал получать от ЦК КПСС заказы на аналитические материалы. Так, в 1987 г. были подготовлены записки о потенциальных очагах межэтнической напряженности в СССР – фигурировал там и Нагорный Карабах, который действительно взорвался через полгода. Институт курировал в рамках Академии наук подготовку рекомендаций для пленума ЦК КПСС по межнациональным отношениям (сентябрь 1989 г.), представил свои соображения в связи с разработкой новой Конституции СССР. Другое дело, что все

эти аналитические и рекомендательные материалы фактически не были использованы.

В постсоветский период политический заказ на разработки этнологов еще более увеличился, некоторые из ученых-этнологов были приглашены на работу в государственные учреждения. Так, директор Института этнологии и антропологии РАН В.А. Тишков некоторое время занимал пост министра по делам национальностей. Покойный В.Н. Шамшуров был заместителем председателя Государственного комитета по делам национальностей (до его преобразования в Министерство по делам национальностей). Примерно за 15 лет этнологи различных научных центров страны провели тысячи (точно невозможно установить) экспертиз федеральных и региональных законов и законопроектов, иных нормативных актов, программ социально-экономического и этнокультурного развития, материалов, проходивших по запросам органов прокуратуры и внутренних дел и др.

В самом обществе явно усилился интерес к этнологии, особенно к публикациям, касающимся культурных традиций, истории народов. Следует признать, например, что для нас явилась немалым сюрпризом популярность вроде бы сугубо академических изданий серии “Народы и культуры”: количество проданных томов серии в магазинах “Академкниги” и на лотках определенно превышает число этнологов в России. Большим спросом пользуются и другие этнологические публикации, особенно те, которые описывают бытовые традиции (пища, баня и т.п.). Необходимо отметить, что прекрасные книги стали издавать региональные научные центры, зачастую при поддержке крупных промышленно-финансовых компаний.

Показателем проникновения в общественное сознание этнологической тематики может служить все увеличивающееся использование в публикациях СМИ, политическом лексиконе и законодательных актах терминологии, содержащей всякого рода “этнизмы” (“этнос”, “этническое” и т.п.). Правда, такое использование происходит, как правило, без понимания сути соответствующих терминов, что приводит к недоразумениям, а то и к спекуляциям на почве этнополитических проблем. Сами этнологи, на беду свою пытающиеся пропагандировать этнологические знания, нередко подвергаются резкой критике со стороны дилетантов за то, что якобы неправильно, предвзято трактуют изобретенные ими же в сугубо научных целях понятия.

Что касается статуса этнологии, то в последнее время он, безусловно, вырос. Сегодня авторитет этнологии в отечественном научном сообществе выше, чем когда-либо в советское время. Кстати, оборотная сторона этого процесса – появление множества исследовательских учреждений, претендующих на этнологическую тематику и конкуренцию с традиционными этнологическими центрами. В конкуренции нет ничего плохого, если бы она велась на профессиональном уровне. К сожалению, новички на исследовательском поле этнологии зачастую не имеют нужного профессионального уровня. Их деятельность – это борьба за источники финансирования в условиях благоприятной для этнологических изысканий конъюнктуры. Этим же, по сути, объясняется бурное “грюндерство” на почве модной в среде дилетантов социальной/культурной антропологии.

По поводу иерархии исследовательских областей в пространстве этнологии как дисциплины можно сказать следующее. В региональном аспекте наиболее востребованы и объективно перспективны исследования России и других постсоветских государств. В тематическом аспекте сохраняет привлекательность – по крайней мере, для широкого потребителя этнографических знаний – изучение культурных традиций в духе исторической этнографии. Однако объективно большее значение имеет

изучение современности: в свое время этнография и рождалась как наука, призванная изучать прежде всего тогдашнюю современность. Лишь в советское время произошел определенный сдвиг в область изучения прошлого: этнографы полагали, что чем архаичней материал, который они находят, тем больше их деятельность соответствует духу этнографии. Полагаю, такой сдвиг был неоправданным. В связи с этим возникает серьезная проблема: *что и какими методами* в современности изучать, чтобы не утратить специфику этнологии в общем пространстве всех общественных наук.

Генеральное направление развития этнологии сегодня, на мой взгляд, – это исследование взаимодействия двух основных тенденций: культурной унификации, происходящей на базе становления массовой культуры, и воспроизводства и видоизменения культурного многообразия. Есть, думаю, важный аспект этой проблемы, о которой до сих пор мало задумывались. Если обычно этнологи стремились изучать межэтнические отношения, межкультурные коллизии на групповом уровне (это вытекало из специфического понимания объекта этнологии как этносов/народов), то сегодня на первый план может выйти проблема взаимоотношений индивида и традиционной (по рождению индивида) этнокультурной среды и поиска этим индивидом иных референтных культурных групп. Как бы там ни было, благословенное для классической этнографии “время альчера” неуклонно уходит в прошлое, и этнология должна искать свое место в трансформирующемся мире.

Из числа этнологических субдисциплин и исследовательских направлений следует в первую очередь отметить весь комплекс прикладных исследований, направленных на оптимизацию жизни полиэтнических обществ.

Что касается вопроса об отличительных чертах этнографического стиля работы в российском обществе сегодня, то, думаю, никакого особого “национального” стиля нет – во всяком случае, если говорить о стиле и методике собственно исследовательских работ.

Раньше была другая специфика: патернализм со стороны ученых Москвы и Ленинграда в отношении так называемых национальных кадров. Считалось (вполне в соответствии с официальной политикой советского государства, направленной на воспитание национальных кадров научной интеллигенции и традиционное для России благоволение “братьям меньшим”), что надо всячески “подтягивать” эти кадры до уровня ученых степеней, вплоть до создания тепличных условий и, нередко, написания за них диссертаций.

Ныне ситуация изменилась. За пределами обеих столиц сформировались полноценные научные центры, выросли поколения высококвалифицированных этнологов. В результате речь уже идет не о патернализме, а о равноправном сотрудничестве и здоровой конкуренции.